

Гришин В.С.

Оренбургский государственный университет, г. Оренбург, Россия
E-mail: grishin.vlad.96@gmail.com

ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ВЗРОСЛОГО ЧЕЛОВЕКА

В современном российском обществе отношение социальных субъектов к нормативным установкам является критическим, что обусловлено новым оценочным форматом культуры, ослаблением её интегрирующих ценностей, чему в значительной степени способствует влияние потребительского гедонизма, когда «стяжательство подменяет стимул, волю и все то, к чему мы стремимся при простом и здоровом образе жизни» (Дж. Лакс).

В сознании взрослого человека правовая культура занимает особое место, поскольку детерминирует культурный, педагогический, психологический и антропологический факторы, гарантирующие стабильность и предсказуемость схем мышления, установок, лежащих в основе его поведения.

Современная правовая культура как совокупность культурных ценностей нормативного порядка, призванных предупреждать антиобщественные и антикультурные девиации в поведении личности, формируется в условиях кризиса образцов нормативных общественных отношений, выражающихся в двойственном восприятии реальности.

Педагогический контекст формирования правовой культуры взрослого человека обусловлен необходимостью осуществления им эффективной правовой деятельности, позволяющей оценивать поступки не только с позиции правовой целесообразности, но и нравственной ценности.

Для педагогики образования взрослых особый интерес представляют аксиологический, культурологический и андрагогический подходы, опирающиеся на методологические принципы личностно ориентированной парадигмы образования и включающие в себя совокупность основных понятий, принципы воспитания и обучения взрослых, ценностные ориентации, и отражающие соотношения ценностей культуры и ценностей личности и социума.

В личностном измерении правовая культура – многомерное качество взрослого человека, обуславливающее положительную направленность его действий и поступков в ситуациях правового выбора.

Идентичность правовой культуры взрослого человека проявляется во взаимодействии с другими категориями, прежде всего, с нормами поведения, ценностями, идеалами. Во многом этому способствует то, что правовая культура, будучи универсалией «Abinteriora» (непосредственно связанной с внутренним миром человека) одновременно является «Adextra» (универсалией, влияющей на окружающую действительность).

Педагогическую проблему формирования правовой культуры взрослого человека следует рассматривать во взаимосвязи с особенностями его мировоззрения, жизненным опытом и социокультурными характеристиками социально-профессиональной группы, частью которой он является.

Ключевые слова: андрагогика, педагогика, правовая культура, образование, правосознание, мировоззрение, научный подход.

Grishin V.S.

Orenburg state university, Orenburg, Russia
E-mail: grishin.vlad.96@gmail.com

PEDAGOGICAL CONTEXT OF ADULT LEGAL CULTURE FORMATION

In modern Russian society, the attitude of social subjects to normative attitudes is critical, which is due to the new evaluation format of culture, the weakening of its integrating values, which is largely facilitated by the influence of consumer hedonism, when “greed replaces the incentive, will and everything that we strive for with a simple and healthy lifestyle” (J. Lax).

In the consciousness of an adult, legal culture occupies a special place, since it determines the cultural, pedagogical, psychological and anthropological factors that guarantee the stability and predictability of thinking patterns, attitudes that underlie his behavior.

Modern legal culture as a set of cultural values of a normative order, designed to prevent antisocial and anti-cultural deviations in the behavior of an individual, is formed in the context of a crisis of patterns of normative social relations, expressed in a dual perception of reality.

The pedagogical context of the formation of the legal culture of an adult is determined by the need for him to carry out effective legal activities that allow him to evaluate actions not only from the position of legal expediency, but also moral value.

For the pedagogy of adult education, axiological, culturological and andragogical approaches are of particular interest, based on the methodological principles of the personality-oriented paradigm of education and including a set of basic concepts, principles of adult education and training, value orientations, and reflecting the relationship of cultural values and the values of the individual and society.

In the personal dimension, legal culture is a multidimensional quality of an adult that determines the positive orientation of his actions and actions in situations of legal choice.

The identity of the legal culture of an adult is manifested in interaction with other categories, primarily with norms of behavior, values, and ideals. This is largely facilitated by the fact that legal culture, being a universal «Abinteriora» (directly related to the inner world of a person), is at the same time «Adextra» (a universal that affects the surrounding reality).

The pedagogical problem of forming the legal culture of an adult should be considered in connection with the peculiarities of his worldview, life experience and socio-cultural characteristics of the socio-professional group of which he is a part.

Keywords: andragogy, pedagogy, legal culture, education, legal consciousness, worldview, scientific approach.

В современном мире многоуровневой иерархии социальных ролей и общностей понятие «правовая культура» становится особенно актуальным, что связано с наличием общественного запроса на уважение и соблюдение прав личности.

Указом Президента Российской Федерации от 24.11.2014 года №808 утверждены «Основы государственной культурной политики», в которых провозглашается одна из важнейших государственных целей: «...передача от поколения к поколению традиционных для российской цивилизации ценностей и норм, традиций, обычаев и образцов поведения»¹.

Повышение культурного уровня населения уже открыто признается не столько целью, сколько обязательным критерием лидерства на международной арене: «Культура России – такое же ее достояние, как и природные богатства. В современном мире культура становится значимым ресурсом социально-экономического развития, позволяющим обеспечить лидирующее положение нашей страны в мире»².

На фоне духовной стагнации человеческих отношений, ломки и отрицания предшествующего цикла общественного развития, нестабильности «диалога культур», человек, «в обществе, расколотом разделением труда и богатства» (О.А. Андреева), держится на единственно стабильной связи, являющейся продуктом совместной деятельности, – культуре. В результате, как отмечает исследователь, «богатый и бедный, патриций и плебей, разделенные общественным положением, сотрудничают в общедоступной сфере культуры, объединяющей их и создающей единое социокультурное пространство» [1].

В новой антропологической реальности смыслы, ценности и цели жизни человека стали иными. Испытав бездны «отчуждения» (К. Маркс), горизонты «бездомности» (М. Хайдеггер), соблазны «вырождения» (Ф. Ницше), человек медленно, шаг за шагом, должен вер-

нуться к своей человеческой сущности, обрести которую невозможно без воспитания, вне поисков культурной идентичности.

Зарубежные педагоги считают, что основной задачей в процессе воспитания является образование в человеке положительных социокультурных качеств. Так, М. Смит отмечает, что «в отличие от программ воспитания традиционного характера, которые базировались на протестантской этике, современные программы должны быть сосредоточены на формировании конкретных универсальных культурных ценностей, таких как забота, равенство, свобода, благородство, трудолюбие, честность, доброта и уважение» [35]. Дж. Ролз убежден, что «основой воспитания не может быть навязывание определенного образа жизни. Общество должно воспитывать в первую очередь чувство справедливости – уважение свободы граждан, ограничиваемое только свободой других граждан; заботу об обездоленных обществом людях; толерантность, проявляемую даже по отношению к не толерантным» [31]. Похожую концепцию «культурного воспитания» также развивает Дж. Уайт, который настаивает на необходимости формирования независимой личности, готовой жить в обществе, руководствуясь принципами альтруизма, здравого смысла и независимости [10]. Культурные ориентиры современных систем воспитания обозначены Я. Кучером, выделяющим в качестве таковых «демократизм и гуманизм, нравственность и терпимость, добровольность и самостоятельность» [14].

С мнениями педагогов сложно не согласиться. Однако окружающий нас мир диктует свои требования к организации воспитания, где культурные ценности должны прививаться сообразно скорости развития современной социальной реальности. Так, М. Казиник, автор идеи «комплексно-волнового урока», в своем манифесте указывает на важность «панорамного мышления», что предполагает формирование духовных ценностей с опорой на окружающую культурную действительность, которая посто-

¹ СЗ РФ. 29.12.2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.

² СЗ РФ. 29.12.2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.

янно изменяется: «Всякое явление имеет перво-причины в прошлом и воздействие на будущее. Каждое понятие – это движение от прошлого к будущему через настоящее»³.

Мы поддерживаем позицию исследователя в его стремлении обратить внимание на воспитание как процесс, неотрывный от современной социокультурной реальности, однако, последняя все чаще характеризуется «постоянным тяготением к «нахождению вне обыденности» [34], что идет в разрез с устойчивостью права как части человеческой культуры.

Нормативное понимание культуры сформулировано в тексте президентского указа: «Культура – совокупность формальных и неформальных институтов, явлений и факторов, влияющих на сохранение, производство, трансляцию и распространение духовных ценностей...»⁴, что содержательно соответствует определению культуры, сформулированному ЮНЕСКО: «...культура должна рассматриваться как совокупность присущих обществу или социальной группе отличительных признаков – духовных и материальных, интеллектуальных и эмоциональных... помимо искусства и литературы она охватывает образ жизни, «умение жить вместе», системы ценностей, традиции и верования...»⁵.

По нашему мнению, невозможно рассматривать культуру в отрыве от человеческой деятельности. Так, Баранов Г.В. отмечает, что культура – это система вещественных, знаковых и идеальных информационных «средств человеческой деятельности, созданная поколениями людей для программирования, реализации и стимулирования оптимальных видов поведения акторов общества» [6].

Опосредуя человеческие поступки, культура выступает не только «важнейшим условием, фактором» деятельности взрослого человека, но и «результатом деятельности» [15]. Большинство видов деятельности взрослого человека предполагают передачу культурного кода, что является собой не менее важный по значению про-

цесс, наряду с формированием культурных ценностей. В связи с этим невозможно недооценить важность андрагогического и культурологического подходов в воспитании взрослых.

В настоящее время особую актуальность получила научная позиция, утверждающая личность взрослого человека как первоисточник культуры: «...с точки зрения философии истории обойти стороной человека с его внутренним, субъективным миром – значило бы совершить непростительную ошибку независимо от взглядов на природу «исторического субъекта» как такового» [16]. В связи с этим не менее интересным является видение воспитания взрослого человека как образовательного психофизического процесса: «Культура, как развитие человеком своих природных задатков, способствует в конечном счёте его нравственному развитию, достижению им моральной цели» [25].

Наряду с гуманистическими по сути точками зрения, процитированными выше, в современной культурологии сложилось особое понимание относительно роли воспитания в освоении культуры. Так, Флиер А.Я. выделяет несколько «источников окультуривания»: домашнее воспитание (включающее «импринтинг» (механическое копирование) и «сознательное научение»), образование всех уровней, произведения искусства и литературы, социальные контакты во всем их многообразии, средства массовой информации [39].

Быховская И.М. и Горяинова О.И. характеризуют воспитание как часть процесса «инкультурации», который предполагает «включение индивида в пространство культуры через овладение и «присвоение» его основных элементов, превращение их в часть своего «внутреннего мира», определяющего сознание и поведение» [9].

Взгляды на воспитание культурологов отличаются от постулируемых юристами. Например, Бельков В.М. утверждает, что «ни одно правовое отношение не реализуется на практике, если не имеет соответствующей социально-психологической основы в сознании индивидов» [8]. В свою очередь, Латыпов А.Р. и Лысенко Д.В. определяют процесс правового воспитания как «создание специального инструментария по донесению до разума и чувств каждого человека правовых ценностей, превра-

³ <https://mel.fm/manifest/1824957-kazinik>

⁴ СЗ РФ. 29.12.2014. № 52 (часть I). Ст. 7753.

⁵ Всеобщая декларация ЮНЕСКО о культурном разнообразии. Принята 2 ноября 2001 г. Генеральной конференцией ЮНЕСКО // Официальный сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/cultural_diversity.shtml (дата обращения: 19.03.2021).

щение их в личные убеждения и внутренний ориентир поведения» [22].

И те, и другие отмечают в качестве результата воспитания относительную устойчивость и сформированность основы личности, при выделении особого признака воспитания взрослых – его обоюдности [23]. Особенно этот признак проявляется в правовом воспитании как процессе «формирования и закрепления ценностей правосознания, задающих направленность социальному поведению субъекта» [13].

Будучи частью культуры, право часто выступает предметом воспитания взрослых, так как именно с понимания норм дозволенного и общественно полезного начинается социально безопасная деятельность личности в обществе.

На вызовы современной социокультурной действительности невозможно ответить без педагогически обоснованной системы правового воспитания, достижение целей которой сосредоточено в точке сформированности правовой культуры взрослого человека.

Построение указанной системы невозможно без наличия внутриличностных аксиологических императивов. Эти ценностные установки обуславливают социально одобряемое поведение, закладываются на этапе взросления и неразрывно связаны с процессом получения правового образования, ибо воспроизводство социальной системы невозможно в условиях деградации таких ценностных концептов как Отчизна, право, патриотизм, труд, творчество [18].

Отсутствие системы правового воспитания ведёт к образованию мировоззренческого вакуума, к принятию социальными группами и личностями жизненных принципов, несовместимых с существованием общества: «Лишённое объединяющей духовной основы, общество раскалывается, а затем разваливается» [4]. Представленные в предыдущем абзаце категории необходимо предполагают формирование правовой культуры как регулятора правовых эмоций, констатирующих умение человека осознавать свои интересы и сопоставлять их с объективными законами социально-экономического развития, оценивать законы с точки зрения их возможности эффективно обеспечить эти интересы.

В правовой системе Российской Федерации знание основных регуляторов жизни общества принято считать обязанностью гражданина (ч. 2. ст. 15 Конституции РФ). Однако в этом контексте взрослым человеком редко проводится параллель между знанием правовых норм и соответствующим этому знанию поведением. Решить эту проблему возможно с помощью сформированного в процессе правового воспитания правосознания, чаще всего воспринимаемого учеными-правоведами как «формы общественного сознания, аккумулирующей нетривиальное понимание самобытности, приоритета общественных интересов над частными, возрождение идеи патриотизма, самоопределения и т. п.» [20].

Выступая на стыке «сфер эмоционального и рационального», правовое сознание определяется и как «продолжение самой правовой реальности, как закономерно появляющаяся ступень в разрешении противоречий правовой реальности и как атрибутивно необходимое средство трансформации правовой реальности в правовую действительность» [29]. Формирование высокого уровня правосознания – это одна из важнейших целей педагогики и андрагогики как отрасли педагогики.

Рассматривая значение правосознания будущих педагогов-правоведов в образовательном процессе вуза и проблемы его формирования на современном этапе, Кожин Д.А. утверждает, что «правосознание личности является сложным, многогранным, полиструктурным образованием, и поэтому при создании структурно-деятельностной модели процесса формирования правосознания личности <будущего учителя> необходимо учитывать правовую психологию, правовую идеологию и правовую установку» [21].

Исследуя особенности профессионального правосознания в юридической деятельности, Титова Н.А. уточняет, что для взрослого педагога определяющей выступает конкретная правовая отрасль, в рамках которой происходит применение его навыков: «под профессиональным правосознанием понимается наличие правовых знаний, глубокое знание тех специфических отраслей права, с которыми приходится тесно работать» [37].

Размышления над особенностями воспитания обыденного правосознания современного

российского общества привели Беденкова В.В. и Сорокина В.В. к формулировке профессионального правосознания взрослого педагога как неотъемлемого элемента правового воспитания – «целостной, целенаправленной, систематической, организованной, непрерывной профессиональной деятельности, направленной на формирование позитивного правосознания и высокого уровня правовой культуры граждан, определяющих их правовое поведение» [7].

Исследователи справедливо отмечают, что правовое образование в отрыве от личности, его внутреннего мира не гарантирует высокого уровня правосознания. Мы солидарны с Д.А. Кожиним, утверждающим, что «на правосознание <будущего специалиста> влияют особенности его воспитания, образования, личные потребности и интересы, мировоззрение, способности, самооценка, психологические особенности, качество правового образования в школах и вузах» [21], что еще раз подтверждает значение культуры в формировании правосознания.

Уровень правосознания в обществе характеризуется правовой культурой граждан, включающей в себя профессиональный и бытовой пласты. В отличие от правосознания, отражающего лишь элементы духовной жизни общества, правовая культура охватывает как духовные, так и материальные компоненты правовой системы: юридические институты, отношения «гражданин-гражданин», «гражданин-право», взаимосвязь с иными системами культуры (наукой, искусством и т. д.).

Анализ научных позиций дает основание сделать вывод о том, что первопричинами действий человека в правовой реальности выступают культурные предпосылки его внутреннего «я», а «основным вектором принятия жизненного решения, является нравственная идеология, основанная на системе ценностей конкретного индивида» [20].

Полагаем, что необходимо объяснить причины сложности формирования правовой культуры взрослого человека.

Во-первых, это связано с особенностями современной правовой реальности, характеризующейся как «одна из граней единой реальности», включающей «совокупность материальных и идеальных образований, воспроизводимых человеком, направленных на регуляцию отно-

шений между людьми и поддержание механизмов функционирования общества» [32]. Среди особенностей правовой реальности Хамитов Р.Н. выделяет непосредственную связь с государством, несмотря на видимое обособление от него, наличие устойчивого ядра правовых норм, не подвергающихся деформациям в ходе изменений политической обстановки [40].

Во-вторых, важным признаком взрослого человека выступает устойчивость и сформированность личности. Обладая внутренней целостностью и относительной самостоятельностью, личность взрослого человека проявляет себя в соответствии с социальными задачами путем раскрытия собственных задатков и способностей. Как личность человек признается самостоятельным субъектом общественного сознания и деятельности, способным к самоопределению, саморегулированию и самосовершенствованию. Тем самым процесс формирования правовой культуры сталкивается с проблемой принятия личностью предлагаемых положительных социально-правовых установок.

Выделим предпосылки формирования категории «правовое», и ее место в культурном сознании правовой личности взрослого человека, определяемой нами как специфический правовой институт, характеризующий субъекта правоотношений как право – и дееспособное лицо, действующее в системе социального и нормативно-правового регулирования, в соответствии с чем наделяемое определенными правовыми качествами, позволяющими быть участником политической и социально-правовой действительности, реализовывать свои права и обязанности, а также осуществлять правовую активность.

На рубеже XIX-XX вв. возникли несколько теорий предназначения «правового» в окружающей действительности. В основе социологической теории (Е. Эрлих, Ф. Жени, С.А. Муромцев, Р. Паунд) лежит философия прагматизма, рассматривающего действие, поведение человека с точки зрения полезности. «Правовое» выступает средством согласования сталкивающихся интересов (действий).

Нормативизм (Г. Кельзен, Р. Штаммлер, П.И. Новгородцев) источником «правового» провозглашает «Grundnormen», своеобразный вариант кантовского категорического императива.

Специфический оттенок носит психологическая теория, представленная Л.И. Петражицким, А. Россом, И. Рейснером. В рамках этого направления «правовое» рассматривается как одна из сторон сознания, отражающая различные элементы общественного правопорядка и регулирующая индивидуальное и групповое поведение в его отношении к государству и праву.

Каждая из вышеперечисленных теорий имеет отношение к процессу воспитания в человеке «правового» в целом и правосознания в частности. С раннего детства важно учесть психологические аспекты отношения ребенка к праву, заложить фундамент, на котором в будущем будет строиться правопонимание: «в детях нужно воспитывать уверенность в себе, самоуважение и уважение к другим. Полнота самоощущения и толерантность – вот основа правового воспитания» [26].

В начальной школе закладываются правила поведения и связи между нужным и должным, ибо, как утверждает А.М. Ковалева, «движущей силой процесса правового воспитания являются противоречия между потребностью в совершении действий, с помощью которых человек реализует права и обязанности, и возможностями, связанными с выполнением этих действий» [20]. В течение жизни человек дополняет и систематизирует свои знания с опорой на правовые установки, полученные им в процессе воспитания. Так формируется «императив» поведения.

Зачастую, полноценная реализация личностных целей происходит по завершении получения профессионального образования. Считаем, что получение человеком профессиональных компетенций, в частности, правовой компетентности как «интегральной профессионально-личностной характеристики специалиста, отражающей высокий уровень правовых знаний, умений и навыков» [30] является основой формирования «правового» в человеке. Этот жизненный этап нередко становится решающим в вопросе окончательного закрепления правовых установок. В процессе взаимодействия человека с обществом категории «правового» у взрослого часто подвергаются переформатированию, что может привести как к позитивным последствиям (например, формирование гражданской позиции), так и к негативным (деформация правового сознания).

Постоянной трансформации социокультурного пространства деятельности человека способствует его пребывание в реальном и виртуальном пространстве как субъекта информационного поля (через социальные сети, мессенджеры, видеопотоковые клиенты и т. д.) [43]. В контексте проявления правовой культуры существенного изменения правовой позиции не происходит, так как социальные установки все также детерминируются моралью, ибо «основанием любой культуры выступает нравственность личности» [11].

Правосознание является достаточно устойчивым эмоционально-рациональным образованием, однако изменение взглядов на действующее законодательство, зачастую, является единственным методом формирования позитивной правовой культуры. Ярким примером этому может послужить ситуация с экологическим протестом жителей Архангельской области против строительства мусорного полигона около железнодорожной станции Шиес, на котором планировалось размещать твердые бытовые отходы из Москвы и Московской области. Высокой протестной активности граждан способствовали несколько факторов: сокрытие информации о начале строительства мусорного полигона и отсутствие публичного обсуждения. По данным организаторов митинга⁶, на протестные акции в декабре 2018 г. по всей области вышли до 30 тыс. человек [42].

Еще одним примером противоречий стало выступление жителей города Екатеринбурга против строительства Храма св. Екатерины в сквере у Театра драмы в мае 2019 г. Активные споры захлестнули сначала региональное, а затем и федеральное информационное поле. Окончательную точку в вопросе строительства храма поставил Президент России Владимир Путин, призвавший учесть мнение местных жителей⁷. По результатам опроса ВЦИОМ большинство жителей Екатеринбурга (74%) охарактеризовали сквер как неудачное место для строительства храма⁸.

⁶ https://www.znak.com/2018-12-3/30_tysyach_zhiteley_severa_vyshli_na_mitingi_protiv_vvoza_othodov_iz_moskvy

⁷ https://ural.aif.ru/politic/situation/putin_predlozhit_vygod_iz_situacii_so_stroitelstvom_hrama_v_ekaterinburge

⁸ <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/gorodi-khram-opros-vcziom-v-ekaterinburge>

В Республике Башкортостан обеспокоенность жителей по поводу возможного промышленного освоения памятника природы шихана Куштау в 2020 году⁹ вылилась в противостояние с горноперерабатывающей компанией. Экономическая необходимость разработки шиханов встала в противоречие с народным мнением, поддерживающим Куштау как особо охраняемую природную зону. Рост отрицательных настроений в обществе наблюдался задолго до открытой конфронтации сторон конфликта: «По данным массового опроса, в Уфе сравнительно высок уровень отрицательных оценок работы органов власти по охране природы и окружающей среды – 43%, положительные составляют в сумме 26%. В «проблемной зоне» <непосредственной близости к шихану> наблюдается относительный баланс оценок: положительных в сумме 35%, отрицательных – 38%» [24].

В приведенных выше примерах главными акторами народных волнений выступают взрослые люди со сложившимися правовыми взглядами, культурой. «Интеллигентность перестала быть сущностной характеристикой ценностной парадигмы взаимодействия людей» – утверждают Кирьякова А.В. и Фролов О.В. в ходе исследования протестных тенденций в современной университетской культуре [19]. Это заявление применимо к обоим сторонам конфликта, ведь принимая непопулярные политические решения, власть выходит за пределы понимания содержания правовой культуры людей, делегировавших ей свои полномочия. Возникает постматериалистический запрос взрослого человека на уважение, желание быть услышанным, реализацию своей гражданской позиции.

Ломка нравственных установок в условиях социального кризиса, обусловленного конфликтом мнений, неизбежно приводит к глобальным последствиям для всего общества, что вызывает озабоченность у многих исследователей. Е.С. Толоч справедливо утверждает, что «культура современной России характеризуется взаимодействием ряда негативных факторов, наиболее значимыми из которых являются «анемия» национальной гордости, утрата связи общества с историей страны» [36].

Р.А. Осипов рассматривает проблему иначе, исходя из национальных культурных предпосылок взрослых людей: «Осмысляя факторы, влияющие на деформацию правосознания, можно отметить присущий российскому обществу этикоцентризм, являющийся территориальным фактором. Например, для нашей страны свойственно подчинение права более высоким, нравственным и религиозным ценностям – этическим нормам» [27].

Бесспорным фактором негативного влияния на правовую культуру личности взрослого человека выступает правовой нигилизм, который «... деформирует духовную культуру человека, разрушает ... правовое сознание и правовую культуру. Возросшие скорости коммуникаций позволили распространить установки правового нигилизма на значительные по численному составу сегменты общества» [5]. Особо этому способствует легкая усвояемость нигилистических установок, транслируемых через социальные сети, мессенджеры и иные Интернет-ресурсы. Клиповость мышления и отсутствие критической оценки получаемой информации создают риски формирования правового нигилизма.

Правосознание является детерминантой правовой культуры личности взрослого человека, самодостаточность которой вне контекста человеческой культуры ставится нами под сомнение.

Рассматривая категорию правовой культуры в проблемном поле педагогики и андрагогики, считаем необходимым сформулировать понятие культуры как многоуровневой, развивающейся системы личностных надбиологических надстроек жизнедеятельности взрослого человека, признаками которой выступают: наличие руководящих моральных, этических и нравственных ориентиров, наличие социальной эрудиции, жизненный опыт, социальные связи, ценности и цели, полученные в процессе осознанного целенаправленного образования.

Исследователи выделяют три основных подхода в вопросе о соотношении права и культуры.

Первый определяет право как продукт жизни людей (подход, возникший в рамках немецкой исторической школы права, представителями которого выступают: Густав фон Гуго, Фридрих Карл фон Савиньи, Георг Фридрих

⁹ <https://www.ufa.kp.ru/daily/217174/4276973/>

Пухта). Утверждается, что законы призваны не создавать право, а лишь отражать существующие социальные практики. Право выступает отражением национального духа, рассматривается по аналогии с языком.

Согласно второму подходу (Э. Дюркгейм) право выступает участником процесса создания культуры посредством формирования сознания людей, практики, социальных отношений. Являясь движущей силой культурного прогресса, право обеспечивает баланс между сохранением, стабильностью и гибкостью, открытостью для изменений, дальнейшего развития.

Третий подход определяет право как особую культурную систему (М. Хайдеггер).

Разнообразие подходов в определении влияния культуры на категорию «право» продиктовано постоянной дифференциацией имеющихся кодов культуры, формированием новых.

Следует отметить особую взаимосвязь права и педагогики. В поисках оптимального сочетания этих отраслей знания Устинова Е.В. пришла к выводу: «Педагогика и юриспруденция как самостоятельные сферы деятельности могут взаимодополнять друг друга» [38]. Это заявление релевантно в силу нескольких факторов.

Во-первых, педагогика не может существовать вне рамок правового поля. Основным нормативным регулятором для нее в нашей стране выступает Федеральный закон от 29 декабря 2012 года №273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰. Однако, влияние педагогики на право более обширно, чем может показаться на первый взгляд. Так, Указом Президента РФ¹¹ провозглашены механизмы повышения качества преподавания правовых дисциплин, повышен контроль за деятельностью образовательных организаций высшего профессионального образования, осуществляющих подготовку юридических кадров.

Во-вторых, достижения педагогики применяются при осуществлении правоприменительной деятельности, например, при производстве следственных (судебных) действий, таких как осмотр, задержание подозреваемого, допрос, очная ставка, следственный эксперимент, контроль и запись переговоров и др.

Таким образом, в контексте формирования правовой культуры взрослого человека педагогика опосредует юриспруденцию, которая, в свою очередь, нормативно оформляет процесс образования, определяет категории «правового» и наделяет их культурными смыслами.

Определить общественно-конструктивное значение правовой культуры только с помощью юриспруденции, безусловно, нельзя без категорий морали и нравственности. В связи с этим считаем правильным мнение о соотношении морали и права: «в процессе осуществления своих функций мораль и право, используя свойственные им методы, помогают друг другу в достижении общих целей» [28]. Культура при этом выступает всеобъемлющей сферой, объединяющей субъектов в отношениях «человек-человек», «человек-государство», «человек-школа» и т. д.

В то же время, категория правовой культуры не может существовать в отрыве от окружающей правовой действительности, так как выступает источником мотивации поступков людей, являясь основанием для дальнейшего развития права [2]. Не видим оснований для спора с исследователем.

Мы уже отмечали, что каждый человек самостоятельно актуализирует перечень действующих нормативных регуляторов, что обусловлено выполняемой им социальной ролью, видами деятельности, качеством социализации личности. При этом отношение к действующим нормам, как культурно-правовым установкам, может быть как оптимистическим, так и нигилистическим.

Оптимистическое отношение проистекает из положительной оценки правовой действительности, в которой к праву относятся с пониманием и принятием. Так, Ильин О.Ю. считает личностное начало у студентов или их «субъектности» как важной характеристики правового самосознания молодежи [17]. По итогам опроса, проведенного Н.Я. Соколовым, «средне оценили состояние действующего законодательства 64,6 % опрошенных, высоко – 8,3 %, очень высоко – 0,5 %. В совокупности положительно состояние действующего законодательства оценили 73,4 % респондентов» [33].

Нигилистическое отношение предполагает наличие социального кризиса, порождающего

¹⁰ СЗ РФ. 31.12.2012. № 53 (часть I). Ст. 7598.

¹¹ <https://rg.ru/2009/05/29/uristy-dok.html>

отрицание бытия или отдельных его сторон. Было бы неправильным утверждать полное отсутствие правосознания у человека, который имеет неверное, искаженное представление о праве или даже относится к нему враждебно. В этом случае следует вести речь об отсутствии у человека желательной для общества правовой культуры, поскольку искаженное отсутствием рационального социального конформизма индивидуальное правосознание реализуется в соответствующем, как правило, девиантном поведении. На этом настаивает Хисамов А.Р., отмечая, что в последние годы среди российской молодежи популярен правовой инфантилизм и непринятие действующего законодательства [41].

Амыкова В.Н. склонна связывать недостаточный уровень правовой культуры современных студентов со слабой теоретической подготовкой [3]. Приведенные точки зрения согласуются с теорией об исторически сложившихся в массовом сознании негативных правовых стереотипах, которые являются источниками низкой правовой культуры [44].

Ожидаемый обществом и государством уровень правовой культуры включает в себя, прежде всего, ту часть правосознания, которая выражает позитивное отношение к закону, определенную степень понимания действующих в обществе регуляторов, что создает положительные поведенческие установки в сознании людей [12]. Если же человек слабо понимает содержание нормативных установок, неверно оценивает

с точки зрения действующего права различные жизненные ситуации, совершает противоправные действия, это порождает особый вид правовой культуры, на которую законодатель (государство) и воспитатель (семья, школа) должны обратить внимание с целью изменения этого качества в интересах нормального функционирования и развития общества.

Низкий уровень культуры в целом, барьеры для развития правовой грамотности, незначительное количество социально-положительных прецедентов, а также исторические особенности развития государства блокируют положительные тенденции в развитии правовой культуры взрослого человека. В этом отношении обществу необходимо создание новых институтов, работающих на культивирование положительного к праву индивидуального правосознания.

Формирование высокого уровня развития правовой культуры – многоаспектная задача для государства и общества, которая не может быть решена единообразно и в краткосрочной перспективе. Именно поэтому на помощь государственно-правовым институтам должны прийти институты образования. Определяя главным носителем и источником правовой культуры взрослого, сформированного человека, андрагогический и культурологический подходы позволяют достигнуть сразу нескольких целей: положительное преобразование конкретной «правовой личности» и постепенное преобразование через нее всего общества в целом.

10.02.2021

Список литературы:

1. Андреева, О.А. Стабильность и нестабильность в контексте социокультурного развития: монография / О.А. Ванюшкина. – Таганрог: ТИУиЭ, 2000. – 232 с.
2. Андреева, Д.О. Правовая культура в системе культуры общества / Д.О. Андреева // Марийский юридический вестник. – 2017. – №1 (20).
3. Амыкова, В.Н. Аксиологический подход к процессу формирования правовой культуры / В.Н. Амыкова // Вестник Калмыцкого университета. – 2017. – № 36 (4). – С. 124–130.
4. Аристархов, В.В. Основы «Основ». О смыслах государственной культурной политики / В.В. Аристархов // Культурологический журнал. – 2019. – №36.
5. Афаунов, А.З., Хавдок, А.М., Татлок, А.К. Правовой нигилизм российской молодежи: объективные и субъективные аспекты проблемы / А.З. Афаунов, А.М. Хавдок, А.К. Татлок // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – №10.
6. Баранов Г.В. Гуманитарная культура – фактор инновационной экономики // Экономический рост и конкурентоспособность России: тенденции, проблемы и стратегические приоритеты: Сборник научных статей: В 2-х томах. – М., 2013. – Т. 2. – С. 209–210.
7. Беденков, В.В., Сорокин, В.В. Алгоритм воспитания обыденного правосознания современного российского общества / В.В. Беденков, В.В. Сорокин // Известия АлтГУ. – 2018. – №6 (104).
8. Бельков, В.М. Некоторые проблемы правового воспитания в Российской Федерации и его значение для электорально-политических отношений / В.М. Бельков // Вестник ТГУ. – 2013. – №3 (119).
9. Быховская, И.М., Горяинова, О.И. Социализация и инкультурация личности: сравнительный анализ общественно значимых практик / И.М. Быховская, О.И. Горяинова // Культура культуры. – 2021. – №1.

10. Воскресенская, Н.М. Современная общеобразовательная школа Англии / Н.М. Воскресенская // Структура и учебно-воспитательный процесс в 12-летней общеобразовательной школе западноевропейских стран. – М.: Институт теории образования и педагогики РАО. – 2001. – С. 8–33.
11. Винникова, Е.В. Теоретические подходы к определению социокультурной среды как социального феномена / Е.В. Винникова // ИСОМ. – 2018. – №6–1.
12. Губаева, Т.В., Каримов, К.М. Правосознание в контексте культуры / Т.В. Губаева, К.М. Каримов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2014. – №9.
13. Гумерова, З.З. Идея права как детерминанта правового воспитания / З.З. Гумерова // Вестник КГУ. – 2016. – №6.
14. Долгая, О.И. Новые цели и принципы воспитания в чешской системе образования на рубеже XX–XXI вв. / О.И. Долгая // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – № 5. – С. 89–93.
15. Ерекешева, Л.Г. Понятие культуры в теоретической социологии: проблема определения / Л.Г. Ерекешева // Культурологический журнал. – 2016. – №33.
16. Ильин, Н.П. Философские проблемы культурно-исторической памяти (Часть 1) / Н.П. Ильин // Культурологический журнал. – 2017. – №29.
17. Ильин, О.Ю. Современные проблемы правосознания и правовой культуры в представлении студенческой молодежи / О.Ю. Ильин // Власть. – 2015. – № 1. – С. 130–136.
18. Кирьякова, А.В. Аксиологические доминанты развития личности в цифровом мире / А.В. Кирьякова, В.В. Мороз // Приоритеты и ценности воспитания и развития личности в современном обществе: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф., 29 окт. 2020 г., Рязань / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина». – Электрон. дан. – Рязань: Рязан. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2021. – С. 73–76.
19. Кирьякова, А.В. Фролов О.В. Протестные тенденции в современной университетской культуре / А.В. Кирьякова, О.В. Фролов // Педагогический журнал Башкортостана, 2020. – № 3 (88). – С. 38–54.
20. Ковалёва, А.М. Правосознание: понятие и сущность / А.М. Ковалева // Пробелы в российском законодательстве. – 2018. – №1.
21. Кожин, Д.А. Значение правосознания будущих педагогов-правоведов в образовательном процессе вуза и проблемы его формирования на современном этапе / Д.А. Кожин // Педагогика и просвещение. – 2019. – №3. – С. 63–68.
22. Латыпов А.Р., Лысенко Д.В. Правовое воспитание / А.Р. Латыпов, Д.В. Лысенко // Символ науки. – 2016. – №11–2. – С. 136–138.
23. Малькевич, М.С. Воспитание ребенка как право и обязанность родителя / М.С. Малькевич // Вестник СГЮА. – 2014. – №3 (98).
24. Маркин, В.В., Роговая, А.В. Региональное законодательство и социальные конфликты / В.В. Маркин, А.В. Роговая // Мониторинг правоприменения. – 2016. – №2 (19).
25. Межуев, В.М. Философия культуры и науки о культуре: различие в подходах / В.М. Межуев // Вестник МГУКИ. – 2019. – №3 (89).
26. Насыров, С.Б. Правовое воспитание дошкольников / С.Б. Насыров // Вопросы науки и образования. – 2018. – №11 (23).
27. Осипов, Р.А. Деформация правосознания личности в современном российском обществе / Р.А. Осипов // Вестник СГЮА. – 2020. – №3 (134).
28. Перепелкин, В.И., Кузьмин, Ю.А. Взаимоотношение морали и правосознания / В.И. Перепелкин, Ю.А. Кузьмин // Oeconomicae Juris. – 2019. – №4.
29. Петров, А.В. О содержании категории правосознания / А.В. Петров // Вестник ННГУ. – 2016. – №5.
30. Родина, В.Л. Правовая компетентность как педагогическая категория: историко-теоретический аспект / В.Л. Родина // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – №62–4.
31. Ролз Дж. Теория справедливости. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 1995. – 446 с.
32. Слободнюк, С.Л. Правовая реальность и правосознание в методическом дискурсе / С.Л. Слободнюк // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 11.
33. Соколов, Н.Я. Оценка юристами состояния действующего законодательства / Н.Я. Соколов // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – №4 (44).
34. Сурова Е.Э., Васильева М.А. «Идентификационные композиции» современной социокультурной реальности / Е.А. Суворова, М.А. Васильева // Культура культуры. 2014. №4 (4).
35. Тагунова, И.А. Знания, обогащающие теорию и практику воспитания в США / И.А. Тагунова // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2016. – №2. – С. 99–115.
36. Толок, Е.С. Культурное наследие российской цивилизации и пути его сохранения / Е.С. Толок // Культурологический журнал. – 2019. – №36.
37. Титова, Н.А. Общее учение о правосознании. Профессиональное правосознание в юридической деятельности / Н.А. Титова // Образование и право. – 2016. – №3.
38. Устинова, Е.В. Педагогика и юриспруденция в Российской Федерации: поиск оптимального сочетания / Е.В. Устинова // Образование. Наука. Научные кадры. – 2019. – №3.
39. Флиер, А.Я. Культура культурного человека / А.Я. Флиер // Культура культуры. – 2019. – №4.
40. Хамитов Р.Н. Личность в правовом пространстве: Автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.11; [Место защиты: ФГОУ ВПО «Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова». – Чебоксары, 2007. – С. 13.
41. Хисамов, А.Р. Правовая культура современной студенческой молодежи: особенности формирования в условиях образовательного поля / А.Р. Хисамов // Вестник казанского государственного университета культуры и искусств. – 2014. – №4(1). – С. 86–89.
42. Чмель, К.Ш., Климова А.М., Митрохина Е.М. Политизация экологического дискурса в Архангельской области на примере строительства мусорного полигона около станции Шиес / К.Ш. Чмель, А.М. Климова, Е.М. Митрохина // Журнал исследований социальной политики. – 2020. – №1.
43. Daniela, L. (2019). Didactics of smart pedagogy (P. 478). Cham: Springer.
44. Diyarova Shakhlokhon Rovshan Qizi. Main aspects of formation of legal culture of students of pedagogical universities // European science review. – 2020. – №5–6.

References:

1. Andreeva, O.A. Stability and instability in the context of socio-cultural development: monograph / O.A. Vanyushkin. – Taganrog: TIUIE, 2000. – 232 p. (In Russ.)

2. Andreeva, D.O. Legal culture in the system of culture of society / D.O. Andreeva // *Mariyskiy juridical bulletin*. – 2017. – No. 1 (20). (In Russ.)
3. Amykova, V.N. Axiological approach to the process of forming legal culture / V.N. Amykova // *Bulletin of the Kalmyk University*. – 2017. – No. 36 (4). – P. 124–130. (In Russ.)
4. Aristarkhov, V.V. Basics of the “Basics». On the meanings of state cultural policy / V.V. Aristarkhov // *Cultural journal*. – 2019. – No. 36. (In Russ.)
5. Afaunov, A.Z., Hawdock, A.M., Tatlok, A.K. Legal nihilism of Russian youth: objective and subjective aspects of the problem / A.Z. Afaunov, A.M. Hawdock, A.K. Tatlok // *Humanities, socio-economic and social sciences*. – 2019. – No. 10. (In Russ.)
6. Baranov G.V. Humanitarian culture – a factor of innovative economy // *Economic growth and competitiveness of Russia: Trends, problems and strategic priorities: Collection of scientific articles: In 2 volumes*. – M., 2013. – Vol. 2. – C. 209–210. (In Russ.)
7. Bedenkov, V.V., Sorokin, V.V. Algorithm of education of the ordinary sense of justice of modern Russian society / V.V. Bedenkov, V.V. Sorokin // *IzvestiyaAltSU*. – 2018. – No. 6 (104). (In Russ.)
8. Belkov, V.M. Some problems of legal education in the Russian Federation and its significance for electoral and political relations / V.M. Belkov // *Bulletin of TSU*. – 2013. – No. 3 (119). (In Russ.)
9. Bykhovskaya, I.M., Goryainova, O.I. Socialization and inculturation of personality: a comparative analysis of socially significant practices / I.M. Bykhovskaya, O. I. Goryainova // *Culture of culture*. – 2021. – No. 1. (In Russ.)
10. Voskresenskaya, N.M. Modern general education school of England / N.M. Voskresenskaya // *Structure and educational process in a 12-year secondary school in Western European countries*. – M.: Institute of Education Theory and Pedagogy of the Russian Academy of Education. – 2001. – P. 8–33. (In Russ.)
11. Vinnikova, E.V. Theoretical approaches to the definition of the socio-cultural environment as a social phenomenon / E.V. Vinnikov // *ISOM*. – 2018. – No. 6–1. (In Russ.)
12. Gubaeva, T.V., Karimov, K.M. Legal awareness in the context of culture / T.V. Gubaeva, K.M. Karimov // *Bulletin of the Baltic Federal University. I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences*. – 2014. – No. 9. (In Russ.)
13. Gumerova, Z.Z. The idea of law as a determinant of legal education / Z.Z. Gumerova // *Bulletin of KSU*. – 2016. – No. 6. (In Russ.)
14. Dolgaya, O.I. New goals and principles of upbringing in the Czech education system at the turn of the XX–XXI centuries. / O.I. Long // *Domestic and foreign pedagogy*. – 2016. – No. 5. – P. 89–93. (In Russ.)
15. Erekesheva, L.G. The concept of culture in theoretical sociology: the problem of definition / L.G. Erekesheva // *Cultural journal*. – 2016. – No. 33. (In Russ.)
16. Ilyin, N. P. Philosophical problems of cultural and historical memory (Part 1) / N.P. Ilyin // *Cultural journal*. – 2017. – No. 29. (In Russ.)
17. Ilyin, O. Yu. Modern problems of legal awareness and legal culture in the view of student youth / O.Yu. Ilyin // *Power*. – 2015. – No. 1. – P. 130–136. (In Russ.)
18. Kiryakova, A.V. Axiological dominants of personality development in the digital world / A.V. Kiryakova, V. V. Moroz // *Priorities and values of personal education and development in modern society : collection of materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, October 29, 2020*, – P. 73–76. (In Russ.)
19. Kiryakova, A.V. Protest tendencies in modern university culture [Electronic resource] / A.V. Kiryakova, O. V. Frolov // *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2020. – № 3(88). – P. 38–54. (In Russ.)
20. Kovaleva, A.M. Legal awareness: concept and essence / A.M. Kovaleva // *Gaps in Russian legislation*. – 2018. – No. 1. (In Russ.)
21. Kozhin, D.A. The value of the legal consciousness of future legal educators in the educational process of the university and the problems of its formation at the present stage. Kozhin // *Pedagogy and education*. – 2019. – No. 3. – P. 63–68. (In Russ.)
22. Latypov A.R., Lysenko D.V. Legal education / A.R. Latypov, D.V. Lysenko // *Symbol of Science*. – 2016. – No. 11–2. – P. 136–138. (In Russ.)
23. Malkevich, M.S. The upbringing of a child as a parent’s right and duty / M.S. Malkevich // *Bulletin of SSLA*. – 2014. – No. 3 (98). (In Russ.)
24. Markin, V.V., Rogovaya, A.V. Regional legislation and social conflicts / V.V. Markin, A.V. Horny // *Monitoring law enforcement*. – 2016. – No. 2 (19). (In Russ.)
25. Mezhuiev, V.M. Philosophy of Culture and Science of Culture: Difference in Approaches / V.M. Mezhuiev // *Bulletin of MGUKI*. – 2019. – No. 3 (89). (In Russ.)
26. Nasyrov, S. B. Legal education of preschoolers / S.B. Nasyrov // *Questions of Science and Education*. – 2018. – No. 11 (23). (In Russ.)
27. Osipov, R.A. Deformation of the legal consciousness of the individual in the modern Russian society / R.A. Osipov // *Bulletin of SGLA*. – 2020. – No. 3 (134). (In Russ.)
28. Perepelkin, V.I., Kuzmin, Yu.A. The relationship between morality and legal awareness / V.I. Perepelkin, Yu.A. Kuzmin // *OeconomiaetJus*. – 2019. – №4. (In Russ.)
29. Petrov, A.V. On the content of the category of legal consciousness / A.V. Petrov // *Bulletin of the UNN*. – 2016. – No. 5. (In Russ.)
30. Rodina, V.L. Legal competence as a pedagogical category: historical and theoretical aspect / V.L. Motherland // *Problems of modern pedagogical education*. – 2019. – No. 62–4. (In Russ.)
31. Rawls J. *Theory of justice*. – Novosibirsk: Publishing house of NSU, 1995. – 446 p. (In Russ.)
32. Slobodnyuk, S.L. Legal reality and legal awareness in methodical discourse / S.L. Slobodnyuk // *Theory and practice of social development*. – 2012. – No. 11. (In Russ.)
33. Sokolov, N.Y. Assessment by lawyers of the state of the current legislation / N.Y. Sokolov // *Bulletin of the O.E. Kutafin University*. – 2018. – No. 4 (44). (In Russ.)
34. Surova E.E., Vasilyeva M.A. «Identification compositions» of modern socio-cultural reality / E.A. Suvorova, M.A. Vasilyeva // *Culture of culture*. 2014. №4 (4).
35. Tagunova, I.A. Knowledge enriching the theory and practice of education in the USA / I.A. Tagunova // *Domestic and foreign pedagogy*. – 2016. – No. 2. – P. 99–115. (In Russ.)
36. Tolok, E.S. Cultural heritage of the Russian civilization and ways of its preservation / E.S. Tolok // *Cultural journal*. – 2019. – No. 36. (In Russ.)
37. Titova, N.A. General doctrine of legal awareness. Professional legal awareness in legal activity / N.A. Titova // *Education and Law*. – 2016. – No. 3. (In Russ.)
38. Ustinova, E.V. Pedagogy and jurisprudence in the Russian Federation: search for an optimal combination / E.V. Ustinova // *Education. The science. Scientific personnel*. – 2019. – No. 3. (In Russ.)
39. Flier, A. Ya. Culture of a cultured person / A.Ya. Flier // *Culture of culture*. – 2019. – No. 4. (In Russ.)
40. Khamitov R.N. Personality in the legal space: Author’s abstract. dis.... doct. philosopher. Sciences: 09.00.11; [Place of defense: FGOU VPO “Chuvash State University named after I.N. Ulyanov”. – Cheboksary, 2007. – P. 13. (In Russ.)
41. Khisamov, A.R. Legal culture of modern student youth: features of formation in the educational field / A.R. Khisamov // *Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts*. – 2014. – No. 4 (1). – P. 86–89. (In Russ.)

42. Chmel, K.Sh., Klimova A.M., Mitrokhina E.M. Politicization of environmental discourse in the Arkhangelsk region on the example of the construction of a landfill near Shies station / K.Sh. Chmel, A.M. Klimova, E.M. Mitrokhin // Journal of Social Policy Research. – 2020. – No. 1. (In Russ.)
43. Daniela, L. (2019). Didactics of smart pedagogy (P. 478). Cham: Springer.
44. DiyarovaShakhlokhonRovshanQizi. Main aspects of formation of legal culture of students of pedagogical universities // European science review. – 2020. – №5–6.

Сведения об авторе:

Гришин Владислав Сергеевич,
аспирант кафедры общей и профессиональной педагогики
Оренбургского государственного университета
E-mail: grishin.vlad.96@gmail.com
ORCID 0000-0001-8659-0723
460018, г. Оренбург, пр-т Победы, д. 13